

УДК 81'26:811.113.6+811.161.1

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.47-57

ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА

И.В. Матыцина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

В статье дается характеристика шведского и русского языка официально-делового общения и рассматриваются трансформации, которые используются при переводе официально-деловых текстов с русского на шведский и со шведского на русский язык. Под «трансформацией» в этом случае понимаются любые преобразования структуры фразы. Исследование проводится с целью выявления различий, существующих между русским и шведским языком в указанной области и находящих свое отражение в выборе переводческих соответствий. Для достижения поставленной цели используются сопоставительно-сравнительный и сопоставительно-контрастивный методы, позволяющие выявить сходства и различия в структуре и семантике рассматриваемых единиц. Приводится ряд примеров, доказывающих, что для пары «русский – шведский» нормой при переводе официально-деловых текстов является трансформация фразы с заменой членов предложения и частей речи. Это находит свое отражение в большей статичности русских переводов по сравнению со шведским оригиналом за счет употребления различных именных компонентов вместо глагольных форм, и, напротив, в вербализации синтаксических структур, замене абстрактных отглагольных существительных глагольными формами при переводе с русского на шведский.

Ключевые слова: шведский язык, язык официально-делового общения, перевод, трансформации

Перевод – это акт коммуникации, сопровождающийся переключением языкового кода при опосредованном взаимодействии двух языков. В большинстве случаев между структурами языка оригинала и языка перевода наблюдаются значительные расхождения, поэтому буквальное воспроизведение конструкций оригинала не только нежелательно, но и невозможно. Тем более в ситуации перевода между такими типологически различающимися языками, как русский и шведский. Прямые лексические, морфологические и синтаксические соответствия при переводе с русского на шведский (и со шведского на русский) практически не встречаются, происходит трансформация структуры фразы с модификацией членов предложения и частей речи. Причем при переводе на русский язык усиливается «статичный» компонент содержания за счет употребления различных номинативных элементов вместо шведских глагольных форм, а при переводе на шведский, напротив, имеет место вербализация

синтаксических структур, замена абстрактных отглагольных существительных глагольными формами [1, с. 13].

Особый интерес представляет изучение специфики перевода официально-деловых текстов с русского на шведский и со шведского на русский язык:

1) язык, который используется для официально-делового общения в России, и соответствующая ему функциональная разновидность шведского литературного языка имеют мало общего, это явления принципиально разного порядка, системы, полярно различающиеся между собой (в чем состоят эти различия, будет сказано ниже);

2) перевод в сфере официально-делового общения со шведского на русский и – особенно – с русского на шведский язык представляет собой квинтэссенцию переводческих проблем, поскольку типологические различия между языками здесь дополняются ограничениями, которые накладываются стилем, и благодаря этому проявляются максимально ярко, даже в несколько утрированной форме;

3) клишированность формулировок, высокая информационная плотность и максимальная обезличенность текстов официально-делового стиля предъявляют высокие требования к переводчику, не допуская вольности толкования, а также практически полностью исключая возможность использования опущений и добавлений;

4) работа с текстами этого стиля предполагает постоянное обращение к трансформациям самого разного рода, которые наглядно демонстрируют различия не только на уровне языковых систем, но и на экстралингвистическом уровне, так как с 60-х годов XX в. в Швеции на всех уровнях (начиная от Государственного языкового совета и заканчивая языковыми экспертами на местах) ведется активная работа по реформированию языка делового общения с целью приближения его к общелитературному стандарту (*sakprosa*);

5) реформирование шведского языка официально-делового общения с целью его приближения к общелитературному стандарту и его сближение с другими книжными стилями (например, научным и отчасти публицистическим), позволяет распространить результаты сопоставления русского и шведского официально-делового языка на тексты других функциональных стилей, при написании которых в современной Швеции также действует упомянутый выше общелитературный стандарт.

Выше отмечалось, что характерные черты шведского языка официально-делового общения проявляются наиболее четко в сопоставлении с русским и находят свое выражение в трансформациях, под которыми мы понимаем любые преобразования структуры фразы. Иными словами, сумма трансформаций, применяемых при переводе официально-деловых текстов с русского на шведский и со шведского на русский язык, по сути, и есть характеристика официально-делового стиля в обоих языках. Как связаны сопоставление упомянутых функционально-стилистических разновидностей языка и перевод? Перевод позволяет продемонстрировать существующие сходства и различия особенно ярко, так как в случае пренебрежения этими особенностями (особенно при переводе с русского на шведский) официально-деловые тексты превращаются в непонятное нагромождение слов и конструкций и не могут выполнять своей функции.

Прежде всего рассмотрим общие черты, характерные для шведского и русского языка официально-делового общения и более или менее ярко проявляющиеся в разных жанрах этого функционального стиля (таких, например, как резолюции, договоры, отчеты и др.).

Анализ деловой и коммерческой переписки, уставов предприятий и договоров о сотрудничестве между Россией и Швецией, статей по вопросам экономики и бизнеса свидетельствует о том, что лексический состав этих текстов демонстрирует в обоих языках гораздо больше сходств, чем различий.

Так, среди общих особенностей в первую очередь следует назвать, конечно, «обилие **профессиональной** (экономической, торговой, правовой и пр.) **терминологии**» [1, с. 132]: *tullagstiftning* ‘таможенное законодательство’, *personalutbildning* ‘обучение кадров’, *informationssystem* ‘информационные системы’, *avtalslutande parter* ‘договаривающиеся стороны’ и т. д.¹

Часто употребляется **книжная лексика**: *framställning* ‘описание, запрос’; *sakkunnig* ‘эксперт’; *ålägga* ‘обязывать, вменять в обязанность’; *förfaringssätt* ‘способ/образ действия’. Зачастую у таких слов есть стилистически нейтральные соответствия: *därav* (нейтр. *av det*) – ‘из этого, при этом’, *emellertid*, *dock* (нейтр. *men*) – ‘но, однако’, *åtnjuta skydd* (нейтр. *skyddas*) – ‘защищаться’, *komma till användning* (нейтр. *använda*) – ‘использовать’ и т. д. (ср. [Om den ena avtalslutande partens behöriga myndighet tror att] *upplysningar som den förfogar över är av intresse för den andra avtalslutande partens behöriga myndighet...* (AvF) – [Если Компетентный орган одной договаривающейся Стороны считает, что] *информация, которой он располагает, представляет интерес для компетентного органа другой Договаривающейся Стороны...* (ННЗ) // ...*den information som den har, är intressant för den andra avtalslutande partens behöriga myndighet...* – ... *что его информация интересна для...* (нейтр.)).

Можно отметить чрезвычайно много **устойчивых сочетаний** клишированного характера: *förfoga över något* – ‘располагать чем-либо’, *vidta åtgärder för (att)* – ‘принимать меры для ...’; *stå i direkt förbindelse med* – ‘находиться в непосредственной связи с...’; ...*undertecknade, därtill vederbörligen befullmäktigade...* – ‘...нижеподписавшиеся, будучи должным образом уполномоченными на это...’; *inhämta upplysningar* – ‘получать информацию’ и пр. При этом нередко происходит «разбухание синтагм» за счет употребления «канцелярских» словосочетаний взамен нейтральных лексем, что обуславливает «витиеватость стиля и многословие» [2, с. 24]: ср. *vålla/tillfoga en skada* – ‘нанести ущерб, причинить вред’ (вм. *skada* – ‘испортить, повредить’), *i fall av* – ‘в случае’ (вм. *om* – ‘если’), *lämna hjälp/bistånd* – ‘оказать помощь / содействие’ (вм. *hjälpa, bistå* – ‘помогать, содействовать’), *fatta beslut* – ‘принимать решение’ (вм. *besluta* – ‘решать’) и т. д.

Значимое место в официально-деловых текстах занимают **имена собственные** (антропонимы, топонимы, названия документов, организаций, предприятий и т. п.): *Konsumentverket* – ‘Комитет по защите прав потребителей’, *Statens offentliga utredningar* – ‘Отчеты правительственных комиссий’, MBL (*Medbestämmandelagen*) – ‘Закон о праве на совместное принятие решений’, *Montenegro* – ‘Черногория’, *Nordiska rådet* – ‘Северный Совет’ и др.

¹ Здесь и далее при описании лексики в качестве словарного источника использован словарь Е. Ривелиса (R.).

Характерной чертой рассматриваемого стиля являются также **сокращения**, среди которых, как уже было отмечено в проведенном ранее исследовании [1, с. 133], выделяются две основные группы: а) названия ведомств, предприятий, организаций, должностей и званий, явлений российской и шведской действительности, а также интернациональные аббревиатуры: *Frankr.* (*Frankrike*) – ‘Франция’, *S:t* (*Sankt*) – ‘Санкт’, *AB* (*Aftonbladet*) – газета «Афтонбладет», *civ. ing.* (*civilingenjör*) – ‘(гражданский) инженер’; *CSN* (*Centrala Studiestödsnämnden*) – ‘Центральный комитет по назначению стипендий’, *JämO* (*Jämställdhetsombudsmannen*) – ‘Омбудсмен по вопросам гендерного равенства’; б) меры длины, веса, названия денежных единиц и под.: *min* (*minut*), *SEK* (‘шведские кроны’), *RUB* (‘рубли’), *m* (‘метры’), *dl* (‘децилитры’) и т. п. Названия международных организаций нередко сохраняют английскую аббревиатуру, которая читается в соответствии с правилами шведской фонетики: например, *SIDA* (*Swedish International Development Cooperation Agency*) – СИДА (Шведское управление международного сотрудничества в области развития), *Unesco* (*United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*) – ЮНЕСКО, *IMF* (*International Monetary Fund*) – МВФ (Международный валютный фонд), *WWF* (*World Wildlife Foundation*) – WWF (Всемирный фонд дикой природы). В языке официально-делового общения встречаются также сокращения, заимствованные из латыни: *m.p.* (*manu propria*) – ‘собственноручно’, *e.o.* (*ex officio*) – ‘в силу занимаемой должности’ и др. По сравнению с русским языком в шведском нередко используется более упрощенная система называния учреждений и ведомств, а также должностей и званий людей, поэтому *EU-nämnden* – ‘Комитет по делам ЕС’, *Ungdomsstyrelsen* – ‘Управление по делам молодежи’, *Statskontoret* – ‘Государственное управление по разработке административных реформ’, *Statens skolverk* (*Skolverket*) – ‘Государственное управление среднего образования’ и т. д.

Важным элементом структурирования информации в языке официально-делового общения являются **логико-грамматические** единицы: *nämligen* – ‘а именно’, *däremot* – ‘напротив’, *följaktligen* – ‘следовательно’, *därmed* – ‘«тем самым», *å ena sidan* (*å andra sidan*) – ‘с одной/с другой стороны’, *samt* – ‘а также’ и под., которые облегчают восприятие информации и делают форму подачи материала более доступной.

Все перечисленные особенности обуславливают наличие целого ряда **сходств** между русским и шведским языком в сфере официально-делового общения, среди которых можно назвать следующие:

а) клишированность изложения (благодаря использованию всевозможных штампов);

б) абстрактность и обобщенность (благодаря употреблению абстрактных существительных, имен действия, глаголов с ослабленным лексическим значением, а также композитов (в шведском языке));

в) отсутствие эмоционально окрашенных слов, традиционность и консервативность в выборе языковых средств.

Однако между официально-деловым языком в России и Швеции есть и принципиальные **различия** (примеры см. ниже), главными из которых являются следующие:

а) тенденция к номинализации и опредмечиванию действий и процессов в деловом русском (так называемые «цепочки существительных») и ориентация на глагольные конструкции в деловом шведском;

б) наличие богатой и гибкой системы словосложения в шведском языке, что находит отражение в обилии композитов, соответствующих субстантивным сочетаниям с предлогом в русском;

в) преобладание сочинительной связи в шведских канцелярских текстах (и, соответственно, подчинительной связи в русских);

г) конкретность в передаче пространственных отношений в шведском языке (что находит свое отражение в системе предлогов) и др. [3, с. 216–239].

В настоящее время в переводческой среде в моде термин «локализация» [4]. Обычно им обозначают адаптацию продукта, прежде всего компьютерной программы или игры к определенному языковому и культурному сообществу. В узком смысле – это специфический термин, в широком – то, что происходит при любом переводе, то есть процесс создания текста с учетом особенностей языка перевода, что позволяет избежать ошибок, связанных с интерференцией.

Представленная на рис. 1 схема наглядно показывает фазы процесса перевода [5].

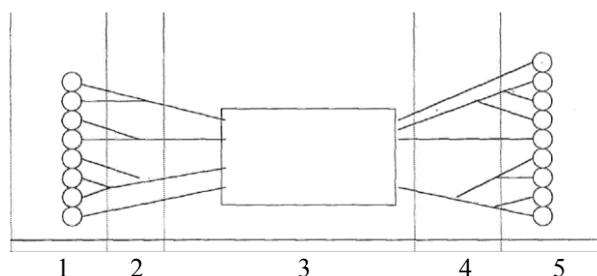

Рис. 1. Фазы процесса перевода: 1 – внешняя структура оригинала; 2 – девербализация² и компрессия, которая приводит к увеличению информационных блоков и уменьшению их количества; 3 – «черный ящик», где происходит сам процесс перевода; 4 – ревербализация и детализация значений; 5 – внешняя структура перевода

Таким образом, очевидно, что внешняя структура оригинала не переводится, переводится *сообщение* (шв. *budskap*, англ. *message*). При создании текста на языке перевода используются различного рода лексические и грамматические трансформации. Как уже отмечалось нами в предыдущих исследованиях, «трансформация – ключевое слово и основной прием», который использует специалист, имеющий дело с переводом официально-деловых текстов с русского на шведский и со шведского на русский язык. «Термин «трансформация» в этом случае понимается очень широко и включает в себя разные виды преобразований» [1, с. 130].

Ниже приводятся примеры наиболее частотных видов *трансформаций*, которые были выделены нами при анализе переводов официально-деловых текстов со шведского на русский язык [1, с. 134–137].

² То есть свертывание информации, термин Р.К. Миньяр-Белоручева [6, с. 132].

а) **Существительное вместо личной формы глагола** (активный и пассивный залог, разнообразные временные формы):

(1) *Detta avtal kan sägas upp skriftligen på diplomatisk väg och upphör att gälla... månader efter det att en sådan uppsägning tagits emot av...* (AvF) – *Настоящее соглашение может быть прекращено путем письменного уведомления по дипломатическим каналам и утратит свою силу через... месяцев с даты получения такого уведомления...* (ННЗ)

Шведской субъектно-предикатной конструкции с глаголом в форме перфекта пассивного залога (*efter det att en sådan uppsägning tagits emot* – букв. ‘после того как уведомление получено’) в переводе соответствует субстантивное словосочетание ([с даты] получения уведомления).

(2) *Parterna skall på diplomatisk väg utan dröjsmål underrätta varandra om deras centrala myndigheter byts ut* (AvF). – *Стороны незамедлительно уведомляют друг друга по дипломатическим каналам об изменении своих центральных органов* (ННЗ).

В оригинале используется условное придаточное предложение со сказуемым в форме настоящего времени пассивного залога на *-s* (*byts ut* – ‘меняются’). В переводе мы видим сочетание абстрактного существительного с предлогом *об* (*об изменении*).

Замена личной формы глагола существительным-девербативом выполняется при переводе со шведского на русский наиболее последовательно и является, пожалуй, самым частотным видом трансформаций.

б) **Существительное вместо инфинитива** (составное сказуемое, целевой оборот):

(3) *Den anmodade myndigheten skall ha handlingsfrihet att bestämma om den skall bifalla framställningen* (AvF). – *Выполнение такого запроса осуществляется на усмотрение запрашиваемого органа* (ННЗ).

Составное глагольное сказуемое (*skall bifalla* – букв. ‘должен одобрить’) при переводе на русский язык подвергается трансформации, при которой инфинитивная часть (*att bifalla* – ‘одобрить’, здесь: ‘принять к исполнению’) преобразуется в отглагольное существительное (*выполнение*).

(4) *Man behöver uppehållstillstånd för att flytta till en person som man redan är gift [...] med* (M). – *Оформление вида на жительство необходимо для воссоединения с лицом, которое является его/ее [...] супругом(-ой)* (Перевод наш. – И.М).

Целевой оборот (*för att flytta* – ‘чтобы переехать к ...’) передается на русском языке при помощи препозитивного словосочетания (букв. ‘для переезда к ...’, здесь: ‘для воссоединения’).

в) **Существительное вместо причастия:**

(5) *Mycket forskning visar att höjda straff sällan minskar brottsligheten* (GP). – *Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что ужесточение наказаний редко приводит к уменьшению преступности* (Перевод наш. – И.М).

Шведскому пассивному причестию (*höjda* – букв. ‘повышенные’) в русском переводе соответствует абстрактное существительное (здесь: ‘ужесточение’).

г) **Существительное вместо прилагательного** (обычно в функции определения):

(6) *Deras mål är högre* avgångsbetyg och *bättre* resultat på högskoleprovet (SvD). – Их цель – **повышение** итоговых оценок и **улучшение** результатов выпускных экзаменов (Перевод наш. – И.М).

В оригинале используются прилагательные в форме сравнительной степени (*högre* – ‘выше’, *bättre* – ‘лучше’), которым в переводе соответствуют абстрактные существительные (*повышение*, *улучшение*).

д) **Причастный оборот вместо инфинитивного целевого оборота:**

(7) *Det krävs speciella program för att bekämpa* analfabetismen bland ungdomar (SvD). – Нужны специальные программы, **нацеленные на борьбу** с безграмотностью среди молодежи (Перевод наш. – И.М).

Значение, которое в шведском языке передается сочетанием лексических и грамматических средств (целевой оборот *för att bekämpa* – букв. ‘чтобы побороть’) в русском «раскладывается» на два слова и передается при помощи лексических средств (страдательное причастие *нацеленный* (на) + существительное *борьба*).

е) **Причастие вместо личной формы глагола:**

(8) *Efter framställning gjord i enlighet med de förfaranden och former som stadgas* i gällande lagstiftning inom de avtalsslutande parternas territorier får en avtalsslutande parts myndighet bemyndiga sina tjänstemän... (AvF). – По запросу, направленному в соответствии с процедурами и формами, **предусмотренными** законодательством государств Договаривающихся сторон, запрашиваемый орган одной Договаривающейся стороны может уполномочить своих сотрудников... (ННЗ)

(9) *Upplysningar som lämnats* enligt detta avtal skall oavsett i vilken form de lämnats, vara konfidentiella (AvF). – Любая информация, **переданная** на основании настоящего Соглашения в какой бы то ни было форме, носит конфиденциальный характер (ННЗ).

Придаточному определительному с союзом *som* и сказуемым, выраженным пассивной формой глагола в настоящем времени (*stadgas*) или перфекте (*lämnats*), в русском тексте соответствует страдательное причастие (*предусмотренными*, *переданная*).

ж) **Глагольно-именное клише вместо глагольной формы:**

(10) *Om den anmodade myndigheten anser att det begärda biståndet skulle strida* mot den anmodade avtalsslutande partens suveränitet... (AvF) – В случае если запрашиваемый орган считает, что запрашиваемая помощь **может нанести ущерб** суверенитету... (ННЗ)

В шведском тексте употреблен нейтральный глагол (*strida* – здесь: ‘противоречить’), русским соответствием которого выступает канцелярское глагольно-именное клише (*нанести ущерб*).

з) **Производный** (чаще отыменный) **предлог** (в случае, в отношении, в связи и под.) **вместо простого:**

(11) *Föreskrifterna i punkt 1 skall inte hindra användningen av upplysningar vid* eventuella rättsliga eller administrativa förfaranden... (AvF) – положения

пункта 1... не препятствуют использованию информации в случае судебного или административного разбирательства... (ННЗ)

(12) *Om dessa myndigheters namn skulle ändras...* (AvF) – **В случае** изменения наименования компетентных органов... (ННЗ)

Шведскому простому стилистически не маркированному предлогу (*om* – ‘о’, *vid* – ‘при’) в русском соответствует канцеляризм – производный предлог *в случае*, образованный сочетанием простого предлога *в* и существительного *случай*.

Все рассмотренные выше примеры демонстрируют принципиальное различие между шведским и русским языковым материалом. В шведских предложениях нормой является использование личных глагольных форм, в то время как их русские соответствия характеризуются большей статичностью за счет использования номинативных компонентов и неличных глагольных конструкций. Это подтверждают переводы с русского на шведский язык, в которых происходит обратный процесс «вербализации» синтаксических структур, сопровождающийся превращением девербативов в личные и неличные глагольные формы. Например, многие «цепочки существительных», включающие в себя сочетание двух и более субстантивных элементов, один из которых имеет форму именительного/винительного падежа, а остальные стоят в форме генитива, можно (а нередко и нужно!) при переводе на шведский трансформировать в глагольную конструкцию. При этом первое в цепочке существительное превращается в глагол (в личной форме или в форме инфинитива), а генитивные дополнения становятся при нем субъектом или прямым дополнением.

(13) *Большинство руководителей отметили увеличение сбыта продукции*³. – *De flesta cheferna påpekade att försäljningen hade ökat*⁴.

(14) *Такие предприятия имеют лучшие финансовые возможности, а также преимущества в управлении и объединении капитала.* – *Sådana företag har bättre finansomöjligheter och lättare att styra och förena sitt kapital.*

В (13) примере замена части речи сопровождается изменением структуры высказывания – из простого предложение становится сложносочиненным с придаточным изъяснительным, вводимым союзом *att* (букв. ‘[...отметили], что сбыт продукции увеличился’).

В (14) примере отглагольные существительные *управление* и *объединение*, являющиеся несогласованными определениями к существительному *преимущества*, заменяются в шведском тексте на инфинитивы (*styra, förena*), которые выступают в роли дополнения.

Таким образом, как уже отмечалось автором в вышедших ранее работах [1, с. 137], при переводе с русского языка на шведский часто происходит преобразование синтаксической структуры фразы, при котором субстантивное словосочетание превращается в придаточное предложение («развертывание»). «Противоположный прием преобразования придаточного в субстантивное словосочетание, имеющий место при переводе со шведского, носит название «свертывание» [2, с. 4].

³ В примерах 13–15 источник русскоязычных фрагментов – материалы автора. – И.М.

⁴ В примерах 13–15 перевод наш, проверенный и отредактированный носителем языка. – И.М.

Вербализация и уменьшение удельного веса имен и неличных глагольных компонентов при переводе с русского языка на шведский может также происходить путем эллиптирования **абстрактных существительных** с расплывчатым значением (*вопрос(ы), проблема/ы, получение, наличие, функционирование, существование, обеспечение* и др.), а также **причастий** *относящийся, имеющий отношение, являющийся* и под.):

(15) *краткое описание обстоятельств, имеющих отношение к делу... – en kortfattad redogörelse för omständigheterna...*

Причастный оборот в шведском тексте упрощается и заменяется предложным словосочетанием с предлогом *för*. По-русски эта фраза тоже могла бы быть сформулирована, как *краткое описание обстоятельств дела*, однако официально-деловой стиль требует от пишущего использования определенных клише, поэтому переводчик выбирает более многословный вариант с частично десемантизированным причастным оборотом.

Выше говорилось, что в последние десятилетия в соответствии с политикой так называемого «доступного языка» [7, с. 157] шведский язык официально-делового общения лишился многих черт, характерных для канцелярита, и сблизился с другими разновидностями книжно-письменного языка, такими, например, как языки науки и политики. Этот факт позволяет распространить выводы, сделанные в настоящей статье в отношении особенностей шведского языка делового общения, на другие функционально-стилистические разновидности шведского литературного языка и предположить, что переводческие стратегии и трансформации во всех указанных случаях будут в целом сходными.

Источники

- R. – *Rivelis E. Svensk-rysk uppslagsordbok. Juridik. Förvaltning. Ekonomi.* – Stockholm: Interword, 1998. – 470 s.
- AvF – *Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott* [Соглашение между королевством Швеция и Правительством Российской Федерации о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства]. – URL: <https://www.tullverket.se>, свободный.
- ННЗ – *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства* // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901722918>, свободный.
- M – *Migrationsverket* [сайт Миграционной службы Швеции]. – URL: <https://www.migrationsverket.se>, свободный.
- GP – *Göteborgs-Posten* [Газета «Гётеборгс Постен»]. – URL: <https://www.gp.se>, свободный.
- Svd – *Svenska dagbladet* [Газета «Свенска Дагбладет»]. – URL: <https://www.gp.se>, свободный.

Литература

1. *Матыцина И.В.* Основные закономерности перевода текстов официально-делового стиля со шведского языка на русский и с русского на шведский // Скандинавская филология: Межвуз. сб. – СПб., 2012. – Вып. XII. – С. 130–138.

2. *Родоман Н.В.* Английский для магистрантов. Курс политического перевода: лексический аспект. – М.: МГИМО, 2009. – 312 с.
3. *Wikland L.* Modern rysk Grammatik. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1993. – 298 s.
4. *Зинкевич О.В.* Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Изв. С.-Петерб. гос. экон. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 135–137.
5. *Зубанова И.В.* Некоторые содержательные и методические вопросы учебного курса последовательного перевода // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: Сб. науч. тр. МГЛУ. – М.: МГЛУ, 1996. – Вып. 42. – С. 15–23.
6. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Лингвистика перевода // Перевод и лингвистика текста: Сб. науч. ст. – М.: Всерос. центр переводов, 1994. – С. 136–143.
7. *Матыцина И.В.* Шведский язык сегодня и завтра (по материалам отчета государственной экспертной комиссии) // Скандинавская филология: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. М.И. Стеблин-Каменского. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – С. 150–161.

Поступила в редакцию
18.06.19

Матыцина Ирина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: imatits@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 47–57

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.47-57

Transformations as the Main Means of Code Switching

I.V. Matytsina

Moscow State University, Moscow, 119991 Russia
E-mail: imatits@gmail.com

Received June 18, 2019

Abstract

The paper focuses on the features of the Russian and Swedish languages of formal business communication and transformations that are used while translating business texts from Russian into Swedish (and from Swedish into Russian). Transformation is understood as different types of changes of the phrase structure. The study was performed to show typological differences between Russian and Swedish that are indicated by the choice of correspondences used as translation solutions. The comparative and contrastive analyses showed similarities and differences in the semantics and structure of the studied units. Examples were provided to demonstrate that, in case of Russian-Swedish translation of formal texts, transformations in the phrase typically include changes in sentence and speech parts. Translating from Russian into Swedish favors, firstly, strengthening of the nominative, static component in the Russian translation as compared to the Swedish original, and, secondly, verbalizing of the syntactic structure,

conversion of nouns (primarily, abstract ones) into verb forms. The findings of the research are essential for teaching modern Swedish and contrastive typology of Germanic and Russian languages, as well as for developing theoretical and practical courses of translation from Swedish into Russian and from Russian into Swedish and teaching translation and interpretation.

Keywords: Swedish language, language of formal business communication, translation, transformations

Figure Captions

Fig. 1. Phases of the translation and interpretation process: 1 – external structure of the source; 2 – deverbilization and compression, which leads to an increase in the size of information blocks and reduces their number; 3 – a “black box”, where the translation takes place; 4 – reverbilization and detalization of the meanings; 5 – external structure of the translation.

References

1. Matytsina I.V. The main regularities in translation of official business texts from Swedish into Russian and from Russian into Swedish. *Skandinavskaya Filologiya*, 2012, no. XII, pp. 130–138. (In Russian)
2. Rodoman N.V. *Angliiskii dlya magistrantov. Kurs politicheskogo perevoda: leksicheskii aspekt* [English for Master's Degree Students. A Course of Political Translation: Lexical Aspect]. Moscow, MGIMO, 2009. 312 p. (In Russian)
3. Wikland L. *Modern rysk Grammatik*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1993. 298 s. (In Swedish)
4. Zinkevich O.V. Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta*, 2018, no. 3, pp. 135–137. (In Russian)
5. Zubanova I.V. Some content-related and methodological issues of consecutive interpretation course. In: *Aktual'nye problemy prepodavaniya perevoda i inostrannykh yazykov v lingvisticheskom vuze* [Urgent Problems of Teaching Translation and Foreign Languages at Linguistic Universities]. Moscow, MGLU, 1996, no. 42, pp. 15–23. (In Russian)
6. Min'yar-Beloruhev R.K. Translation linguistics. In: *Perevod i lingvistika teksta* [Text Translation and Linguistics]. Moscow, Vseros. Tsentr Perevodov, 1994, pp. 136–143. (In Russian)
7. Matytsina I.V. Swedish language today and tomorrow (based on the State Expert Committee Report). *Skandinavskaya Filologiya*, 2003, spec. issue: dedicated to the 100th anniversary of M.I. Steblin-Kamenskii's birth, pp. 150–161. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Матъцина И.В. Трансформации как средство переключения языкового кода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 47–57. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.47-57. ⟩

⟨ **For citation:** Matytsina I.V. Transformations as the main means of code switching. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 47–57. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.47-57. (In Russian) ⟩